

АЛЕКСАНДР II В ЛЮБВИ И СУПРУЖЕСТВЕ

Николай Шамагонов

Любовные приключения
императора

 Любвные драмы

Николай Федорович Шахмагонов
Александр II в любви и
супружестве. Любовные
приключения императора
Серия «Любовные драмы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42540702

Александр II в любви и супружестве. Любовные приключения
императора:
ISBN 978-5-4484-7813-0

Аннотация

Книга повествует о личной жизни императора Александра II, который считается одним из самых любвеобильных русских самодержцев. Также рассказывается о любовных коллизиях в жизни братьев Александра II, великих князей Константина и Николая, о судьбах жён государя-Освободителя – императрицы Марии Александровны и Екатерины Долгорукой, а также о любовных драмах его сыновей – Николая, рано ушедшего в мир иной, Александра, ставшего императором Александром III, и Алексея, морганатический брак которого с дочерью поэта Жуковского был расторгнут и который так и остался одиноким на всю жизнь.

Содержание

«...Мог высечь только родной отец»	5
Воспитатель цесаревича	26
«Да встретит он – обильный чеством век!»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Николай Федорович
Шахмагонов
Александр II в любви и
супружестве. Любовные
приключения императора**

© Шахмагонов Н.Ф., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

«...Мог высечь только родной отец»

Вечерело, и закатные лучи солнца пробивали наискось кабинет наследника российского престола, когда на пороге появился граф Адлерберг, старый приятель цесаревича Александра Николаевича и участник его юношеских забав и приключений. Теперь же за столом своего кабинета сидел повзрослевший молодой человек в военном мундире, строгий, подтянутый. Он вопросительно посмотрел на вошедшего, отрываясь от бумаг.

Адлерберг пояснил свой визит, не дожидаясь вопроса:

– Пришло письмо от попечителя учебных заведений города, – он сделал паузу и закончил, хитро улыбнувшись, – города Смоленска...

Цесаревич сразу встрепенулся, словно почувствовав, что письмо касается именно его, и не ошибся. На вопрос:

– Что же пишет попечитель?

Адлерберг, сделав шаг к столу и развернув лист бумаги, ответил:

– Сообщает о том, что гимназист Николай Пржевальский совершил поступок, за который его собираются исключить из гимназии.

– Что же такого он совершил?

– Выкрал и выбросил в Днепр журнал, в котором преподаватель записывал прегрешения гимназистов, – сообщил Адлерберг.

– Зачем? – удивленно спросил цесаревич.

– Донял гимназистов этот их преподаватель, ну и бросили жребий, кто выкрадет из канцелярии и уничтожит журнал. А когда в карцер отправили весь класс, гимназист Николай Пржевальский признался, что сделал это он. Директор гимназии принял решение об исключении...

– Вот даже как! – цесаревич встал из-за стола, подошел к окну и, не оборачиваясь, попросил продолжить рассказ.

– Матушка гимназиста Елена Алексеевна Пржевальская, – Адлерберг снова сделал паузу и уточнил, – в девичестве Каретникова, дочь помещика из Кимборова, умоляет не исключать. Ну хоть высечь за проступок, но не исключать.

– Высечь? И что же?

– По нашим законам высечь дворянина имеет право только отец, – напомнил Адлерберг.

– Знаю! – сказал цесаревич. – Давай письмо.

Адлерберг положил исписанный лист бумаги на стол и с интересом посмотрел на цесаревича. Тот еще раз пробежал глазами текст, усмехнулся и, склонившись над столом, написал резолюцию: «Высечь мерзавца, и всего делов!» А затем поставил свою подпись.

– А почему это попечитель тебе написал? – спросил, подавая Адлербергу письмо.

– Да потому что к наследнику престола чиновник его ранга обращаться не может.

– Понятно. Отправь письмо немедленно.

Адлерберг покинул кабинет, а цесаревич снова подошел к окну и задумчиво посмотрел на сочную зелень парка, на аллеи, открывающиеся из окон летней резиденции русских царей.

Кимборово, небольшое село Кимборово, помещик Каретников и его дочь, первая смоленская красавица. Все это вспомнилось остро, горячо, заставив забиться сердце. По пути в Смоленск поезд цесаревича, состоящий из множества карет с царскими вензелями на дверях, остановился в имении отставного магазин-вахтера Алексея Степановича Каретникова, за службу царскую награжденного дворянством и купившего имение у помещика, у которого до призыва в армию был крепостным.

За свой гвардейский рост, за разумение служебных дел получил Алексей Каретников многие награды в период службы. В Отечественную войну 1812 года возил царские депеши в войска и донесения из войск. Говорили, что его знал и уважал сам Михаил Илларионович Кутузов. Знали Каретникова и при дворе, потому не случайно была запланирована остановка именно в Кимборове. До Смоленска уже не так далеко. Ну и въехать в город неплохо бы с утра, отдохнувшими, а не утомленными длинными дорожными перегонами.

Путешествие по России продолжалось уже не первый ме-

сяц, да вот только такой возможности, что открывалась в Смоленске, цесаревичу в других городах и не снилось. Строгий воспитатель Василий Андреевич Жуковский всегда находился рядом. Ну а значит, никаких развлечений. Только встречи с губернаторами, предводителями дворянства, посещения мануфактур и прочих учреждений. Балы и другие увеселительные мероприятия исключались начисто – такова воля отца, императора Николая Павловича, отправившего в путешествие двадцатилетнего сына. Задача – ознакомление с Россией, которой рано или поздно придется управлять. И еще одна цель – уже тайная, родительская – излечить любвеобильного молодого человека от страстных романов с фрейлинами, которым никто и числа не ведал. Отправил же император с сыном своим цесаревичем его воспитателя Василия Андреевича Жуковского совсем не случайно. Под его суровым оком не забалуешь...

Цесаревич Александр со своим наставником поэтом В.А. Жуковским.

Неизвестный художник

Кто ж знал, что случится непредвиденное. Когда проезжали Тулу, Василий Андреевич получил сообщение о болезни кого-то из родственников. Ну и вынужден был срочно отправиться в уездный городок Белев, что на берегу красавицы Оки. В Калугу, а затем в Смоленск таким образом цесаревич должен был ехать без своего воспитателя.

Кимборово... Июль... Летний зной спадал только к вечеру. Повернули к дворянской усадьбе. Лихо развернулись кареты, сверкая в закатных лучах вензелями.

Алексей Каретников, разумеется, был извещен Жуковским о том, что цесаревич остановится у него перед Смоленском. Все необходимое приготовил к приему дорогих гостей. Вышел хозяин навстречу, а за ним супруга с дочерью. По сторонам центральной усадебной аллеи челядь выстроилась.

Цесаревич легко выбрался, почти выпрыгнул из кареты, распрямился, поражая всех стройностью и выправкой, и, не чинясь, нарушая этикеты, направился к хозяину. Да так быстро, что тот и слова приветствия, заготовленные заранее, позабыл.

– Встречай, братец, встречай гостей незваных, – весело заговорил цесаревич.

– Да что, да почто незваных, – заговорил Каретников. – Дорогие гости, пожалуйста, пожалуйста в мои скромные чертоги.

Цесаревич сделал знак, чтобы его сопровождающие следовали за ним, да тут словно споткнулся. Подойдя к семейству Каретникова, он замер перед его дочерью, красота которой сразу обожгла сердце. Боже мой, куда уж там до нее штатным дворцовым раскрасавицам, замученным столичным климатом петербургским. Кровь с молоком. Стройна, светловолоса, голубоглаза – подлинная русская красавица. И откуда такое чудо в глуши, в сельце невеликом, захолустном?

– Супружница моя, Ксения Ефимовна, – представлял меж

тем Каретников.

«Красива, – отметил про себя цесаревич. – Есть в кого дочери быть волшебной, сказочной, неотразимой...»

Конечно, что-то сказал галантно. А сам-то, сам во все глаза на необыкновенную девицу...

– Дочь моя, Елена Алексеевна, – продолжил Каретников.

Редко цесаревич замирал перед столичными красавицами, а тут замер на мгновение и склонился, чтобы поцеловать руку, хотя хотелось в этот миг прикоснуться губами не только к маленькой милой ручке.

А она-то, Аленушка, словно из прекрасной русской сказки, тоже замерла, и тоже забилося ее сердечко в неведомых предчувствиях чего-то неотвратимого, чего-то доселе казавшегося невозможным для нее, совсем еще юной девицы.

А хозяин уже приглашал в дом на обед. В русских имениях в подобных случаях все что пополудни – все обед, даже если и сумерки густятся вокруг.

На обеде все чинно, по этикету. Все, да не все. Словно в полусне цесаревич Александр и Аленушка, ломая все планы родительские, сели рядышком во главе стола – ну ни дать ни взять – жених и невеста. Наверное, уже в те минуты екнули сердца родительские и у Алексея Степановича, и у Ксении Ефимовны. К чему приведет такая вот влюбленность с первого взгляда, тем более влюбленность молодых людей, столь неравных по происхождению. Это тебе не отставной офицер Михаил Кузьмич Пржевальский, что повадился в дом, надо-

еда сватовством, пока не дал ему Алексей Степанович от ворот поворот и отказал в приемах. А тут – страшно сказать – наследник российского престола, сын грозного императора Николая Павловича, о котором более чем наслышан смоленский помещик Алексей Каретников.

Как себя вести? Что делать? На обеде сидели родители Елены Алексеевны как на раскаленных углях. Здравницы произносили, гостей потчевали, а сами глаз не спускали с цесаревича и доченьки своей. Эх, пара-то хоть куда. Друг другу под стать. Да только невозможна такая пара. Это в допетровские времена русский царь выбирал себе в жены первую красавицу из сотен девиц России. И не так уж важна была знатность невесты, хотя, конечно, те, кто занимался поиском красавиц, представляли на выбор дочерей вельмож, которые отблагодарить могли. Закулисные пружины и тогда действовали.

Но настали времена другие. По правилам, установленным в угоду Западу, жениться наследник престола мог только на европейской принцессе, чтобы через принцессу эту, когда она станет императрицей, воздействовать на русского государя.

Эх, были б старые времена, допетровские, как славно могло все закончиться! Цесаревич был по-настоящему очарован, и когда после обеда Каретников пригласил гостей прогуляться по саду, случилось для него событие, встревожив-

шее не на шутку. Цесаревич исчез. А вместе с ним исчезла и его доченька-красавица. Ну не так, чтобы уж совсем исчезли. Просто удалились от гостей и хозяев, уединились в саду.

Родители родителям рознь. Когда, к примеру, императору Павлу Петровичу, деду цесаревича Александра Николаевича, приглянулась на балу красавица Анна Лопухина, ее отец, поощряемый «гнусным турком Кутайсовым», был вне себя от счастья...

А что же здесь? Что можно было ожидать от юного цесаревича?

Следил Каретников краем глаза, да разве ж уследишь? Сад большой, имение вообще весьма и весьма солидное. Выйдя в отставку и женившись на богатой невесте из рода Демидовых, Алексей Каретников купил это имение у своего бывшего хозяина, помещика. Уж больно прикипел душой к этим местам.

И вот теперь по великолепному саду этого имения прогуливался с его дочерью не кто-то, а наследник российского престола.

Цесаревич и необыкновенная его спутница прошли немного по аллейке сада, а тут и беседка на пути, вся утопающая в зелени. Заглянули в нее. На столе книги.

Вот и тема для разговора...

– Что читаете? – с интересом спросил цесаревич.

– Писателя Нарезного, Василия Трофимовича Нарезного... Папенька из Смоленска привез. Слог замечательный,

напевный, – проговорила Аленушка, пряча взор своих прекрасных глаз.

Цесаревич взял книгу, прочитал:

«Прелестна заря утренняя, когда ланиты ее сияют на чистом небе; благоухающ ветр кроткого вечера, когда веет он с лона розы и лилии; блистательны прелести ваши, девы славенские, когда кротость души и спокойствие сердца изображают светлые взоры ваши!»

Он посмотрел на Аленушку и сказал:

– Знаю, знаю... Это «Славенские вечера», посвященные древности. Это новелла, кажется, «Вечер седьмой: Ирена»?

И он, внезапно вспомнив обилие иноземных девиц при дворе, пробежал глазами по странице, выбрал то, что брало за душу, пристально глянул на смоленскую красавицу и, почти не глядя в текст, прочитал, видно, выстраданное в мыслях о будущем, о прекрасном, обо всем, что ожидает каждого великого князя в этой жизни:

«Не подражайте дочерям земель иноплеменных, которые славу свою полагают в искусстве прельщать, не чувствуя влечения сердечного. Тщеславятся они числом побед своих, коварством приобретаемых. Прелестью жизни называют они свободу буйную не покоряться святым законам стыдливости, лучшему украшению пола прелестного. Не подражайте им, дочери российские. Внемлите древней песне моей. Вы узнаете, что победы таковы непродолжительны. Время откроет коварство, разврат, сокрытые под личиною кроткой любез-

ности. Тогда исчезнет торжество мнимое, и преступная престлница будет жертвою несчастною своих замыслов!»

Елена Алексеевна посмотрела на него с удивлением, и цесаревич, перехватив взгляд, сказал с улыбкой:

– Удивлены? Бравый военный и вдруг понимает и способен прочувствовать такие строки?

– Нет, нет, что вы?! – попыталась возразить девушка.

– Не надо. Я же вижу и не обижаюсь. Просто мой воспитатель, мой главный, я бы сказал, учитель знаете кто? – и, не дожидаясь ответа, назвал: – Василий Андреевич Жуковский. Слышали о таком?

– Еще бы...

И прочитала...

Ах! Не с нами обитает
Гений чистой красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты...

Цесаревич улыбнулся и сказал:

– Нет, нет. Тут не согласен. С нами обитает гений чистой красоты. С нами. Василий Андреевич мне говорил, что из этих его строк Пушкин взял в свое знаменитое стихотворение вот именно это. Помните: «Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты...» Вы, именно вы, милая Аленушка, гений чистой красоты.

– Ну что вы, что вы?

– Не спорьте, не спорьте...

Цесаревич взял ее руку, поднес к губам и коснулся того места, где заканчивалась легкая перчатка.

– Настоящий мужчина, – продолжил он, – обязан быть решительным, смелым, обязан быть властным, обязан уметь вести за собой в бой... Но он обязан чувствовать «гений чистой красоты», понимать прекрасное, владеть не только резким языком командным, но и языком изящной словесности.

Он снова коснулся ее руки, полуобнял за талию.

– Ой, нас, кажется, ищут, к нам идут.

Шел граф Адлерберг. Больше никто не решался нарушить уединения цесаревича и прекрасной дочки хозяина имения. Но это уединение становилось уже, мягко говоря, слишком затянувшимся.

– Да, да, граф! – кивнул цесаревич, упреждая какие-то слова, которые тот должен был произнести. – Мы идем. Что там?

– Вечерний чай...

– Ах, вечерний чай... Да, да... Мы сейчас. Еще пару минут.

Цесаревич был в этом месте и в эти часы главным, самым главным. Он мог решать и делать, казалось, все, что его душе угодно. Но это только казалось. И он в значительной степени являлся пленником этикета – тех ограничений, которые придумали себе люди, чтобы сделать свою жизнь сложнее, скучнее и неинтереснее. Ограничения в «многомятеж-

ных человеческих хотениях» – любимая фраза Иоанна Грозного – необходимы, но важно, чтобы они исходили не от нарочитого «держат и не пущать», а из сердца, из души, порожденные не только знаниями порядков и правил, а воспитанием – правильным, назовем его патриархальным, – воспитанием, которое всегда выше образования, превращающегося в образованщину, если нет воспитания.

Цесаревич Александр Николаевич с самого раннего детства демонстрировал свои образованность (ведь у него были лучшие учителя) и воспитанность – ведь у него был необыкновенный, талантливый, чуткий, но в то же время, если нужно, требовательный и жесткий воспитатель – Василий Андреевич Жуковский.

Ну а уж педагогом Жуковский являлся отменным. В молодости он проявил себя учителем нескольких поколений своих племянниц по многим предметам, а в особенности по изящной словесности. Но и он однажды не выдержал искушения и горячо, до беспамятства влюбился в одну из своих учениц, с которой состоял в слишком близком родстве, чтобы надеяться на что-то серьезное в их отношениях.

Отменное воспитание цесаревича тоже не смогло оградить его от влюбленностей во фрейлин. И вот теперь он снова оказался в плену своих чувств, быть может, самых сильных и искренних в его жизни.

*Портрет великого князя Александра Николаевича.
Художник И. Винберг*

Они вышли из беседки и направились к дому, перед фасадом которого уже собрались и хозяева, и гости.

– Аленушка... Я не могу с вами расстаться. Одна мысль об этом убивает меня.

– Но что же делать? Мне тоже жаль, что вы уезжаете? Может, погостите у нас? – с надеждой прибавила она.

– О, нет. Увы. Мой батюшка-государь составил очень жесткий план путешествия. И завтра меня уже ждут в Смоленске. А знаете? Я приглашаю вас с собой, в Смоленск. Вы согласны?

Что могла сказать Елена Каретникова, ведь она была и во власти своей влюбленности, и во власти своих родителей. А что могли сказать они? Как ответить на приглашение дочери в поездку? Но ведь она была в какой-то мере и во власти наследника престола!

Какая буря чувств пронеслась в родительских сердцах, когда они слышали из уст цесаревича – наследника престола российского – просьбу отпустить с ним в Смоленск их юную доченьку, которую они берегли и лелеяли, которую охраняли от любых опасностей, в том числе и на любовной ниве?

Тут приходит некоторое сравнение об уже упомянутом вскользь случае на балу, хоть и весьма отдаленном по событийности, но похожим по сути своей.

Однажды на балу в Москве, во время празднований по случаю коронации, императора Павла Петровича пригласила

на танец красавица Анна Лопухина. Этот случай описывается в разных вариантах. По одному из них, девица Лопухина, необыкновенно красивая, случайно подошла к императору – ошиблась. По другому варианту, она ошиблась намеренно и так мило стушевалась, что император был очарован в мгновение. Ну а далее... Далее самое интересное. «Гнусный турок Кутайсов», кстати, впоследствии предавший своего благодетеля в роковую ночь 11 марта 1801 года, и отец Анны Лопухиной тут же решили воспользоваться влюбленностью государя и сделали все, чтобы завязался роман. Тем более Павел Петрович, полный сил и энергии, оказался в весьма сложном положении. После последних родов его супруге Марии Федоровне врачи категорически, под страхом смерти, запретили выполнение супружеских обязанностей.

Но это было при дворе, где у многих прожженных царедворцев повредились нравы. А тут... Тут российская глубинка!

Конечно, если бы не жестокий закон, по которому великие князья, а в особенности наследники престола, могли жениться только на заморских принцессах, можно было бы уповать на такое развитие отношений, которое могло окончиться супружеством. Но в данном случае такой исход исключался полностью.

Ночь. Теплая июльская ночь. Короткая ночь. Цесаревичу не спалось. Вышел на балкон. Кругом тишина до звона в ушах. Смолкло все в господском доме, погасли свечи, по-

темнели глазницы окон. Где-то близко, за каким-то окном она, красавица Аленушка. Сердце забилося, когда вспомнил легкие прикосновения, вспомнил кроткий, нежный голосок, блеск прекрасных глаз. Заставил себя вернуться в комнату, лечь, постараться заснуть, ведь день ждал сложный, хлопотный.

Но долго не спалось родителям красавицы Аленушки. О чем только не передумали Алексей Степанович и Ксения Ефимовна, в каких переживаниях провели ночь, неведомо, да только поутру не смогли они найти убедительных аргументов, чтобы запретить дочери поездку в Смоленск. Не посмели они открыто высказать опасения, что цесаревич – наследник престола российского, сын несгибаемого Николая Павловича – окажется обыкновенным соблазнителем и обесчестит их доченьку. Вон Лопухин мечтал, чтоб обесчестили, да только там-то как раз все завершилось лишь платоническим романом. А здесь?!

Но не будем забегать вперед...

Вспомним, как объяснил свой поступок в кинофильме «Жестокий романс» Паратов... Голову потерял и тому подобное, а потому неповинен и точка. Конечно, неуместна аналогия между цесаревичем, будущим выдающимся государем, павшим от рук врагов России, и взбалмошным, себялюбивым и эгоистичным купчиком. Но... чувства, если они действительно очень сильны и искренни, порой не знают границ. Приглашая красавицу Аленушку в поездку, цесаре-

вич Александр Николаевич был охвачен лишь одним желанием – еще хотя бы немного побыть с нею рядом. Увы, он не принадлежал себе, он не мог взять да остаться погостить в Кимборове. Он был обязан сесть в карету и мчаться дальше, дальше и дальше по просторам России. Но у него было несколько дней на посещение Смоленска и на ознакомление со Смоленщиной. И он хотел, чтобы рядом была поразившая его красавица.

Утром поезд, составленный из карет с золочеными вензелями, пугая сельчан своей торжественностью, двинулся в путь. И в карете цесаревича рядом с ним умчалась из родительского гнезда впервые одна, впервые в обществе молодого человека юная красавица Аленушка Каретникова.

Путь до Смоленска не очень долог. А цесаревичу хотелось, чтобы он длился вечно. И того же хотелось его необыкновенной спутнице.

В Смоленске торжественная встреча. Губернатор – статский советник Виктор Яковлевич Рославец – всего лишь несколько дней назад, 6 июля 1837 года, принявший этот важный пост у своего предшественника действительно-го статского советника Николая Ивановича Хмельницкого, предупрежден. Хмельницкий, поэт и драматург, человек, хорошо известный Александру Сергеевичу Пушкину, за восемь лет своего губернаторства превративший Смоленск в литературный, читающий – насколько это возможно по тем временам – город, дал немало советов, как провести прием

цесаревича, сопровождаемого известным литератором Жуковским. В городе было что показать. В 1831 году по инициативе Хмельницкого там открыта Смоленская губернская библиотека. Губернатор, используя свои литературные связи, сам комплектовал ее книжный фонд. Он обратился к известным литераторам, со многими из которых был в добрых отношениях. На эту просьбу откликнулся в числе других и Пушкин, приславший свои книги и журналы с публикациями.

Губернатор восстановил знаменитые Молоховские ворота, построил военный госпиталь, открыл новые мануфактуры.

И вот Рославцу выпала задача встретить цесаревича Александра и выполнить программу, о которой его предупредил в специальном письме Василий Андреевич Жуковский. Ну что же, опереться было на что. Город поднялся из руин после ожесточенных боев с врагом в 1812 году. Он был разрушен настолько, что долгие годы после освобождения города губернаторам приходилось жить в Калуге и оттуда руководить деятельностью губернии, а главное — ее восстановлением.

К приезду цесаревича город уже принял надлежащий вид, и в нем все было готово для выполнения задач путешествия. Губернатор полагал, что сразу ждут дела, дела, дела... Ждал указаний Жуковского, уточнений задач, да вот Жуковский-то и не приехал, и вышло все совсем не так. Граф Адлерберг взял на себя организацию мероприятий. Конечно,

цесаревич со своей прекрасной спутницей посетил Смоленский театр, основанный в 1780 году и знаменитый тем, что первой зрительницей его была прабабушка Александра Николаевича императрица Екатерина Великая, побывав в госпитале, ведь там лечились воины русской армии, заглянул в библиотеку, не без желания Елены Алексеевны, ну а потом... Молодость есть молодость. Начались балы, балы, балы. Губернские вельможи с удовольствием откликнулись на такие вот предложения Адлерберга.

Что же мог сделать губернатор? Инструкции?! Так ведь и не спросишь ни у кого, можно ли их нарушать? От государя через Жуковского поступили загодя совсем иные распоряжения. Но к кому обращаться? Жуковского нет. А до государя далековато. Царедворцы же, сопровождавшие цесаревича, рядом. Как послушаться их?

Закрутилось, завертелось...

В театре, в ложе цесаревич и его спутница – самая красивая зрительская пара. На балах, где они не отрывались друг от друга, – самая красивая пара танцевальная.

Кто мог сказать, что следует, а чего не следует делать, кто мог сказать, как поступать влюбленным, которым ни минуты не хотелось быть друг без друга и которые, пользуясь полной свободой, ни на минуту не расставались целыми сутками.

Вот уж и время, отведенное на пребывание в Смоленске, закончилось. Вот уж пора бы мчаться дальше и дальше. Но куда же там?! Разве можно найти в себе силы оторваться от

любимой.

И вдруг как гром среди ясного неба: в Смоленск прибыл Василий Андреевич Жуковский, совсем не имевший представления о том, что происходит. Прибыл и увидел своего воспитанника в обществе «гения чистой красоты».

Решение могло быть лишь одно. «Гения чистой красоты» немедленно отправить к родителям, а цесаревича посадить в карету, чтобы продолжить путешествие по России.

Спустя много лет прилетел отголосок того пребывания в Смоленске. А ведь воспоминания-то приятнейшие!

Цесаревич отошел от окна, сел за стол... В тот знойный июль 1837 года он вынужден был не по своей воле покинуть возлюбленную. Выхода действительно не было. Он не принадлежал тогда и не принадлежит теперь себе.

А Василий Андреевич Жуковский торопил. Ему и так уж неловко было перед государем за этакое отклонение от планов путешествия.

Воспитатель цесаревича

После Смоленска по плану путешествия – Москва. Это примерно четыреста километров. Ныне часов пять езды на поезде. В ту пору скорость летом была примерно 12 километров в час. То есть ожидал цесаревича не один день пути. Есть о чем подумать в дороге. Да и времени на раздумья предостаточно. Цесаревич сидел молча, отвернувшись к окну. Думал, вспоминал, быть может, мечтал о чем-то своем.

Ну и Жуковскому было о чем подумать в эти часы. Ай как нехорошо все вышло. Как нехорошо! Он ведь все понял. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять. Любовью светились лица цесаревича и смоленской красавицы. Тут и вопросов задавать не надо – ясно, что не только танцевали да спектакли в театре смотрели. Ну а ежели так, каковых же последствий можно ждать от этих горячих встреч?!

Жуковский всем своим существом ощущал ответственность за цесаревича, за его поступки. Ну так что же поделаешь-то – не смог его воспитать сухарем и аскетом. Воспитывал в нем чувство прекрасного, приобщал к изящной словесности, к шедеврам русской литературы, а шедевры-то, они ведь далеко не чужды любви...

В.А. Жуковский.

Художник К.П. Брюллов

Да и самому Жуковскому не чуждо это высокое, всепобеждающее чувство.

Сложна судьба поэта и воспитателя, сложна и полна любовных коллизий.

Он и сам не сразу узнал о всех пикантных подробностях своей биографии, не ведал о том, что в той семье, в которой впервые увидел и ощутил себя человеком, он был незаконнорожденным, что в иных – но не в его случае – звали бы его с насмешками, как случалось в России, безбашенным, или байстрюком. А между тем был он кровным сыном помещика Афанасия Ивановича Бунина, но сыном от пленной турчанки по имени Сальха. Родился Жуковский 29 января 1783 года в селе Мишенском Белевского уезда Тульской губернии. Село находилось в трех верстах от Белева. Но почему же тогда Жуковский? Ведь в ту пору было принято давать незаконнорожденным детям собственную фамилию, правда, в усеченном на один слог виде. К примеру, внебрачный сын князя Трубецкого Иван Иванович стал Бецким, сын Репнина получил фамилию Пнин, ну и так далее. Ну а здесь и так фамилия отца была коротка – и усекать нечего. Не делать же фамилию «Нин»?! Но дело даже не в этом. Помещик Бунин нашел еще более безопасный для своей репутации способ. Он дал сыну фамилию жившего в его усадьбе бедного дворя-

нина Андрея Григорьевича Жуковского, который согласился признать ребенка своим сыном.

Началось же все с шутки. Провожая своих крестьян на театр военных действий, помещик попросил: привезите, мол, мне в жены молодую турчанку, а то жена совсем старой стала.

И ведь привезли турчанку-то! Да только в жены ее Афанасий Иванович, конечно, не взял, во-первых, потому что неровня она, но, главное, потому что женат был, растил пятерых детей и не было никаких раздоров в семье.

В ту пору внебрачные связи помещиков с крепостными барышнями были делом нередким, нередким было и рождение внебрачных детей. Не сразу, судя по году рождения поэта, но помещик Бунин все же положил глаз на пленную турчанку. Была она работящей, скромной поведением своим, услужливой. Жила во флигеле для прислуги. Туда-то и стал наведываться тайком помещик, когда подросла его пленница. Привезли ее пятнадцатилетней. Не одну привезли, с младшей тринадцатилетней сестрой. Причем обе, видимо, полагали, что попали в гарем к русскому властителю. Да только младшая умерла вскоре от чахотки, а старшая оказалась пассивной барина, когда вошла в возраст девицы. До того времени она прислуживала сестрам будущего поэта, причем заслужила к себе доброе отношение. А вот как подросла, родила барину ребенка и получила вид на жительство в России. Документ так и именовался: «К свободному в России

жительству».

Она не стала крепостной. В документе же говорилось, что пленена она была при взятии нашими войсками города Бендер в 1770 году «с прочими таковыми же в полон и досталась майору Муфелю, и того же году оным майором по выезде в Россию отдана им Бунину на воспитание, и по изучении российского языка приведена была в веру греческого исповедания, при чем восприемниками были жена Бунина Марья Григорьевна и иностранец, восприявший же веру греческого исповедания Дементий Голембевский».

Так и превратилась Сальха в Елисавету Дементьевну Турчанинову (отчество по имени восприемника при крещении). Указывались также основные приметы – то, что была она «росту среднего, волосы на голове черные, лицом смугла, глаза карие».

Трудно сказать, на каком бы положении был в семье сын Сальхи, но судьба определила ему роль хоть и внебрачного сына, но оказавшегося на положении особом. Дело в том, что за два года до рождения будущего поэта, в 1781 году, в Лейпциге внезапно умер сын Буниных. Два года – срок, конечно, недостаточный для того, чтобы могла стихнуть боль по безвременно ушедшему сыну, да и вообще такое горе неизлечимо, но все же это время, которое позволило здраво взглянуть на то, что ожидало семью. Девуцы подрастали, но сына – наследника – не было.

Историк и биограф В.В. Огарков писал по поводу супруги

помещика:

«Жена Бунина, Марья Григорьевна, урожденная Безобразова, кроткая и умная женщина, являлась в окружавшей ее среде сравнительно развитым человеком, что доказывается и тем образованием, которое она сумела дать, несмотря на невыгодные для этого тогдашние условия, своим дочерям и Жуковскому. Сам Бунин, очевидно, тоже не был из породы Митрофанушек – весьма распространенного типа того времени. Достаточно сказать, что единственный горячо любимый сын Буниных учился в университете в Лейпциге...»

Все эти факты особенно важны для оценки педагогических способностей Жуковского и его мастерства как воспитателя. И не только этого. Важно понять, почему его воспитанник цесаревич Александр вырос таким, каким вырос. В данном случае берем лишь одно направление – «материю любви».

Материя любви... Ныне это выражение и в названиях фильмов и книжных глав попало. А откуда оно? Все из того же Золотого века Екатерины Великой, который много, очень много дал России. Так вот, когда государыня приблизила к себе Потемкина, примчался к ней брат Григория Орлова Алехан – так его звали и братья, и сослуживцы, – ну и сразу с вопросом: «Да или нет?» А государыня ему: «Ты об чем, Алехан?» А тот и ответил: «По материи любви!»

Любовь, она движет миром. Любовь поражает в равных степенях и простолюдина, и господина, от нее не уберечься

никуму. И титул цесаревича, и даже титул императора не могут оборонить от нее, разумеется, когда надо бы оборонить, когда любовь, может, позовет к той, которая не может по династическим правилам стать второй половинкой или когда она заставляет государя презреть семейные узы.

Проповедник суфизма Ал-Хамадани (1048/9—1138) учил: «Жизнь познается только в любви, а без любви найдешь лишь только смерть».

Это ли не объяснение трагедии любви, прошедшей через всю жизнь и самого воспитателя цесаревича Василия Андреевича Жуковского, и через семью или даже, можно сказать, семьи его воспитанника цесаревича, впоследствии императора Александра II, да и через судьбы его родных братьев великих князей Константина и Николая, о чем мы тоже поговорим в книге.

В судьбе наставника цесаревича поэта Жуковского, конечно, огромную роль сыграло его личное воспитание. Супруга его отца – Марья Григорьевна – фактически взяла на себя роль матери будущего поэта. Она ничем не отделяла его от своих детей, столь же серьезно занималась его воспитанием и столько же пристально руководила его образованием. Но в том-то и дело, что детьми-то ее кроме Василия Жуковского, которого она полюбила как родного сына, потеряв сына единственного, были девочки. Когда дочери подросли, Марья Григорьевна Бунина особенно привязалась к малышу, причем стала относиться к нему как к родному сыну. Ну

а то, что он явился плодом любовных походов мужа, видимо, не очень сильно ее тревожило – в ту пору бывало всяко. Иные барыни сквозь пальцы смотрели на такие вот измены, чисто физиологические, ибо какие уж там могли быть романы любовные с прислугой?! Тем более женщины зачастую прежде мужей своих теряли интерес к усядам любви. А в данном случае известно, что своего ребенка Бунины после смерти сына завести уже были не в состоянии, причем по вине именно Марьи Григорьевны.

Так что Василий Андреевич был обласкан супругою отца, словно родной сын, а что касается матери, то и сказать трудно, что он знал о своем происхождении в годы младенчества. Марью Григорьевну нельзя назвать его мачехой. Какая мачеха при живой матери? Скорее к ней может подойти определение – вторая мать. Причем, по влиянию на Василия Андреевича, она выходила на первые роли, но не потому что от этих первых ролей отказывалась родная мать, а просто потому что у родной матери не было таких возможностей, которые были у Марии Гавриловны Буниной.

Биограф отметил, «что многие элегические ноты поэзии Жуковского обязаны тому факту, что мать его являлась рабыней в доме, ставшем сыну родным».

Известно, что на творчество каждого поэта влияет обстановка в семье, в которой он воспитывался.

Жуковскому вполне хватало материнского тепла, поскольку обстоятельства сложились так, что он получал это

тепло не только от родной матери, но и от супруги отца, которая отчасти стала его второй матерью. Он оказался воспитанником женского общества – мать, супруга отца, старшая сестра, которая одновременно была крестной матерью, и племянницы – дочери старших сестер.

Именно это отложило отпечаток на его отношение к воспитанию цесаревича. Безусловно, понимая важность для России военного дела и необходимости воспитания будущего императора воином, он противился резких, по его мнению, перегибов, которые нередко получались в результате такого воспитания. Откровенно говорил, что слишком военизированное воспитание может привести к тому, что будущий император «привыкнет видеть в народе только полк, в Отечестве – казарму».

Когда восьмилетнего цесаревича император Николай Павлович взял на развод караулов, Жуковский написал письмо императрице Александре Федоровне:

«Я в газетах прочитал описание развода, на котором наш маленький Великий Князь явился верхом и пр. Эпизод, государыня, совершенно излишний в прекрасной поэме, над которой мы трудимся. Ради Бога, чтобы в будущем не было подобных сцен. Конечно, зрители должны восхититься появлением прелестного младенца; но какое же ощущение произвело подобное явление на его разум? Не понуждают ли его этим выйти преждевременно из круга детства?»

Жуковский через романтическую литературу, властвующую-

щую в то время над умами читателей, прививал у цесаревича любовь к прекрасному, ну а что может быть прекраснее прекрасных женщин?

Получив хорошее образование, Василий Андреевич преподавал дочерям своих сестер, своим юным племянницам, изящную словесность и другие науки. И тут его озарила любовь к одной из племянниц, перекроившая всю жизнь поэта. Он влюбился в дочь своей сестры Екатерины Афанасьевны Машеньку – Марию Андреевну Протасову.

Биограф Жуковского В.В. Огарков отметил:

«Окруженный такими друзьями, из которых некоторые отличались чуткостью и восторженностью, убаюкиваемый их нежными заботами и попечениями, поэт рано взрастил в себе то отчасти сентиментально-платоническое уважение к женщине, которое было так свойственно и многим героям его баллад и элегий. Это молодое и восторженное женское общество являлось постоянной аудиторией поэта: ему он поверял свои вдохновения, его одобрение служило для него критической меркой, а восторг, с которым встречались им творения юноши, – наградой. Вся эта ватага молодежи бегала по саду, полям и лугам; среди помянутого общества в разнообразных и живых играх невольно возбуждалось воображение, совершался обмен мыслей и укреплялись симпатичные связи. Стоит прочесть письма поэта к ставшим взрослыми членам этого детского кружка, – письма, исполненные нежной дружбы и, до самой старости Жуковского, какой-то

трогательной скромности, — чтоб видеть, насколько сильны у него были связи с друзьями детства, а также и чистую, глубинную душу поэта. Укажем здесь, кстати, и на то, что упомянутый выше девственный ареопаг с ранних лет направлял Жуковского на путь девственной, целомудренной лирики».

Воспитание в чисто женском обществе наложило на него, как отметили биографы, серьезный отпечаток. Ведь женщин он видел не только в роли своих воспитателей, но детское общество состояло тоже из девочек.

Когда Василию Жуковскому исполнилось 14 лет, Марья Григорьевна Бунина отвезла его в Университетский благородный пансион. Помогал в устройстве давний ее знакомый директор Московского университета с 1796 по 1803 год Иван Петрович Тургенев (1752–1807). Он был действительным тайным советником, состоял в масонской ложе Новикова.

В университете — мужской коллектив. Появились друзья из довольно известных семей России. В их числе сыновья директора Московского университета Александр и Андрей Тургеневы. Дружба с Александром Ивановичем Тургеневым (1784–1846) продолжалась до кончины Тургенева. Но эти друзья почти все сплошь были членами тайных обществ, что и Жуковского привело в масоны. Вот и получилось, что воспитатель будущего русского самодержца, то есть человека, который готовился заступить на пост, совершенно антимазонский, сам был вольным каменщиком, то есть принадле-

жал к тайному обществу, созданному для сокрушения монархий, а в первую очередь – русского православного самодержавия.

Отсюда, от этого общества, у Жуковского появилась приерженность к мистике. Именно в пансионе, где большое значение уделялось творчеству воспитанников, Жуковский в 1797 году написал «Мысли при гробнице». Эти мысли навеяло печальное для него известие о смерти старшей сестры и крестной Варвары Афанасьевны Юшковой.

А потом были опубликованы «Майское утро» (1797), «Добродетель» (1798), «Мир» (1800), «К Тибуллу» (1800), «К человеку» (1801) и другие. Тогда же попробовал свои силы и в переводе романа Коцебу «Мальчик у ручья» (Москва, 1801).

Жуковский, как отмечал биограф В.В. Огарков, вырос «в религиозной семье, где соблюдение обрядов считалось безусловно необходимой обязанностью». Огарков писал: «Ребенком он часто ходил в церковь, слушал там певчих, целовал образа и херувима на царских вратах. Его душу, склонную от природы к умирительным созерцаниям, настраивали на религиозный лад те поминальные службы по его отцу, которые справлялись целый год в их сельском храме. Особенность его положения в семье Буниных, где он все-таки был «приемыш», тоже давала пищу для меланхолических размышлений, естественным переходом для которых является религиозное настроение, и обращение опечаленной ду-

ши к Высшему Существо, способному устроить «все к лучшему». В этих далеких, но могучих впечатлениях детства, резкими чертами запечатлевшихся в сердце, можно найти немало причин тех мистических и сентиментальных произведений, которыми изобиловала поэзия Жуковского. И религиозные мотивы удерживали от активного участия в выполнении антигосударственных задач, которые ставила принадлежность к тайному обществу. Насколько? Ответить на этот вопрос сложно. Почти невозможно.

Все творчество Жуковского пронизано любовью, ведь основу составляют самые различные, порою очень острые любовные истории, названные автором романтическими балладами.

Конечно, все это настолько охватило Жуковского на всю жизнь, что он и воспитаннику своему привил романтические чувства. Ведь, пока Жуковский подрастал, мужал, вокруг него кипели любовные драмы и трагедии в судьбах его сестер. Сестры были значительно старше него, а потому не все в их жизни было понятно, да и не все известно. Другое дело – племянницы. С ними сложились самые добрые, чуткие отношения.

Если племянницы – дочери старшей сестры – были почти что его сверстницами, то дочери Варвары Афанасьевны, его крестной матери, моложе. Перед ними – Марией и Сашенькой – он уже выступал как учитель...

Жуковский, всегда принимавшийся серьезно за всякое

дело и желавший во всякой области знания «объять необъятное» – за что удостоивался от друзей добродушных насмешек, – составил обширный педагогический план. При обучении своих воспитанниц он хотел пополнять и расширять собственное образование.

В составленную Василием Андреевичем программу входил разбор произведений Державина, Шиллера и Гете, Шекспира, Расина, Корнеля, Вольтера, Руссо. Предметом изучения он сделал и произведения античной литературы. Познакомил племянниц с произведениями Ювенала и Горация.

Занятия занятиями, но дело молодое и сердцу не прикажешь... Он полюбил свою племянницу Машеньку, хотя понимал, что любовь эта бесперспективна. Пришлось обещать своей сестре Екатерине Афанасьевне держать в тайне свои чувства. Екатерина Афанасьевна верила в порядочность и честность своего сводного брата, любимца всей семьи, всех сестер, фактически воспитанного сестрами.

Что же оставалось? Да то, что остается в таких случаях поэту. Жуковский писал стихи... Причем он не мог даже поверить бумаге настоящее имя своей любимой.

В 1808 году стало окончательно понятно, что любовь вряд ли может привести к их соединению брачными узами. Крик души слышен в стихотворении, которое поэт назвал: «К Нине. Послание».

Несчастливая любовь впоследствии помогала Жуковскому понять своего воспитанника, конечно, в тех случаях, когда он видел, что цесаревич сражен не очередным увлечением, а искренней, сильной любовью, которая, к примеру, была у него к Ольге Калиновской.

Как же попал в воспитатели наследника русского престола вольный каменщик? Очень просто. В эпоху правления императора, известного нам под именем Александра I, – такая преамбула далее будет разъяснена подробно – масонские ложи особенно сильно распространились по России. Даже говорили тогда, что если не каждый масон был дворянином, то каждый дворянин был масоном. Поэтому привлечение ставшего в ту пору известным поэта к дворцовой службе никого не удивило.

*В.А. Жуковский в 1820-х гг.
Художник П. Соколов*

4 сентября 1815 года Жуковского пригласил в Павловск сенатор Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1751–1828), в прошлом статс-секретарь Павла I и почетный опекун Воспитательного дома, в ту пору известный в дворянских кругах поэт. Он пользовался особым доверием государя. Именно он после того, как прошло предложение Литта о титуле царя, составлял всеподданнейшее прошение о принятии императором титула Благословенного. Когда начались приготовления к встрече государя в Петербурге, он вместе с князем Вяземским и Батюшковым составлял хоры и стихи. Ему было поручено императором неотлучно находиться при Особе Императрицы Марии Федоровны. Именно по его инициативе и с совершенного согласия Марии Федоровны Жуковский был назначен ее чтецом. И началось возвышение.

Назначение чтецом при вдовствующей императрице Марии Федоровне было только началом придворной службы. Вскоре, уже в конце 1817 года, Василия Андреевича сделали учителем русского языка супруги великого князя Николая Павловича великой княгини Александры Федоровны.

Но вернемся к путешествию по России, в котором Жуковский сопровождал своего воспитанника, уже возмужавшего и окрепшего.

«Да встретит он – обильный честью век!»

23 июля цесаревича Александра Николаевича встречала Москва. Жуковский, регулярно посылавший отчеты о путешествии и государю, и отдельно императрице Александре Федоровне, урожденной Фридерике Шарлотте Вильгельмине (Шарлотте Прусской), 24 июля писал о встрече, организованной духовенством:

«...А когда мы вошли в собор, где на моем веку совершилось уже три коронования, когда запели это многолетие, столько раз оглашавшее эти стены, когда его (цесаревича) повели прикладываться к образам и мощам, когда опять сквозь густую толпу он пошел в собор Благовещенский и Архангельский и наконец на Красное крыльцо, на вершине которого остановился, чтобы поклониться московскому народу, которого гремящее ура слилось с звуком колоколов, и когда в этом звуке, так сказать, раздался тот чудный голос, который столько предков на этом месте слышали, который будут слышать потомки, пока будет жива Россия...»

Жуковский... Человек долга и чести! Цесаревич давно убедился в этом. Но как же оценить содеянное, как оценить то, что именно Василий Анреевич, его воспитатель, разлу-

чил с возлюбленной? Жуковский конечно же понял, что цесаревич перешел со смоленской красавицей определенную грань в своих отношениях, а переход этой грани чреват последствиями прежде всего для возлюбленной, для «гения чистой красоты».

Не цесаревич виноват, что с петровских времен действовал жестокий закон, ставивший под контроль Россию с помощью иноземных жен. Правда, закон этот пробуксовывал по той причине, что практически все иноземные принцессы, оказываясь в России, принимая Православие и становясь императрицами, оказывались патриотками вновь приобретенного Отечества.

Жуковский... Цесаревич помнил его столько же, сколько помнил себя. И действительно, Василий Андреевич оказался человеком, близким к царской семье еще до рождения Александра Николаевича.

В 1815 году Жуковский опубликовал в журнале «Сын Отечества» стихотворение, которое назвал «Молитва русского народа». В стихотворении были поначалу две строфы...

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,

Всех утешителю —
Все ниспошли!

Стихи были представлены вначале императрице Марии Федоровне, а затем императору Александру I, который в конце 1816 года издал указ, возводивший это стихотворение в ранг государственного гимна и устанавливающий порядок его исполнения. Утверждалось исполнение этого гимна при встречах императора. Для исполнения была приспособлена музыка британского гимна, написанная Генри Кэри.

Позднее Жуковский дописал еще одну строфу...

О, Провидение!
Благословение
Нам ниспошли!
К благу стремление,
В счастье смирение,
В скорби терпение
Дай на земли!

Этот текст Жуковского оставался государственным гимном России вплоть до 1833 года, когда был сменен гимном «Боже, Царя храни!» (в нем тоже использовались строфы из стихотворения Жуковского).

А случилось так. В 1833 году император Николай I нанес визиты в Австрию и Пруссию. И везде его встречали гимном «Молитва русского народа», исполняемым на мотив англий-

ского гимна. Но если императору Александру такое исполнение, очевидно, нравилось – связь его с Англией достаточно известна, – то императора Николая Павловича это совсем не радовало. В свите императора был композитор и дирижер Алексей Федорович Львов (1798–1870), участник Русско-турецкой войны (1828–1829 гг.), проявивший себя в боях под Шумлой, а также при осаде и взятии Варны, награжденный бантом к ордену Св. Владимира IV степени и орденом Св. Анны II степени. Ему-то и поручил император написать свою, русскую музыку к гимну Российской империи.

В декабре гимн был впервые исполнен, причем первоначально его называли по-прежнему: «Молитва русского народа». А 31 декабря 1833 года император Николай Павлович своим указом сделал его официальным гимном Российской империи под новым названием «Боже, Царя храни!».

Композитору была пожалована осыпанная бриллиантами табакерка с портретом государя. 11 апреля 1834 года Львов стал флигель-адъютантом.

Текст был расширен Жуковским...

В этот период поэт прочно обосновался при дворе и отношение к нему в царской семье было самое благоприятное.

17 апреля 1818 года в семье великого князя Николая Павловича и великой княгини Александры Федоровны родился сын Александр, будущий император Всероссийский Александр II Николаевич.

Жуковский посвятил этому событию стихотворение, посвященное великой княгине Александре Федоровне.

**ГОСУДАРЫНЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ
АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВНЕ
НА РОЖДЕНИЕ В. КН. АЛЕКСАНДРА
НИКОЛАЕВИЧА ПОСЛАНИЕ**

Изображу ль души смятенной чувство?
Могу ль найти согласный с ним язык?
Что лирный глас и что певца искусство?..
Ты слышала сей милый первый крик,
Младенческий привет существованью;
Ты зрела блеск проглянувших очей
И прелесть уст, открывшихся дыханью...
О, как дерзну я мыслию моей
Приблизиться к сим тайнам наслажденья?
Он пролетел, сей грозный час мученья;
Его сменил небесный гость Покой
И тишина исполненной надежды;
И, первым сном сомкнув беспечны вежды,
Как ангел спит твой сын перед тобой...
О мать! кто, какой язык земной
Изобразит сие очарованье?
Что с жизнью прекрасного дано,

Что нам сулит в грядущем упование,
Чем прошлое для нас озарено,
И темное к неизвестному стремленье,
И ясное для сердца провиденье,
И что душа небесного досель
В самой себе неведомо скрывала —
То все теперь без слов тебе сказала
Священная младенца колыбель.
<...>

Он восклицал о России, о Москве...

<...>
Торжественно державный Кремль стоял...
Казалось, все с надеждой ожидало.
И в оный час пред мыслию моей
Минувшее безмолвно воскресало:
Сия река, свидетель давних дней,
Протекшая меж стольких поколений,
Спокойная меж стольких изменений,
Мне славною блистала стариной;
И образы великих привидений
Над ней, как дым, взлетали предо мной;
Мне чудилось: развертывая знамя,
На бой и честь скликал полки Донской;
Пожарский мчал, сквозь ужасы и пламя,
Свободу в Кремль по трупам поляков;
Среди дружин, хоругвей и крестов
Романов брал могущество державы;

Вводил полки бессмертья и Полтавы
Чудесный Петр в столицу за собой;
И праздновать звала Екатерина
Румянцева с вождями пред Москвой
Ужасный пир Кагула и Эвксина.
И, дальние лета перелетев,
Я мыслю ко близким устремился.
Давно ль, я мнил, горел здесь божий гнев?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрели мы?.. Во прахе дом царей;
Бесславию разбитых алтарей;
Святылища, лишённые святыни;
И вся Москва как гроб среди пустыни.
И что ж теперь?.. Стою на месте том,
Где супостат ругался над Кремлем,
Зажжённую любуюся Москвою, —
И тишина святая надо мною;
Москва жива; в Кремле семья царя;
Народ, теснясь к ступеням алтаря,
На празднике великом воскресенья
Смирённо ждёт надежды совершенья,
Ждёт милого пришельца в божий свет...

<...>

Да встретит он – обильный чеством век!
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Великого из званий: человек!
Жить для веков в величии народном,

Для блага всех – свое позабывать,
Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать!

И вот вскоре, в 1825 году, Жуковский был назначен воспитателем семилетнего наследника престола, цесаревича Александра. Это назначение на долгие годы привязало его к будущему императору Александру Освободителю.

Вот как охарактеризовала воспитателей в своих воспоминаниях «Сон юности» великая княжна Ольга Николаевна:

«В июле 1824 года воспитателем Саши был назначен Карл Карлович Мердер. Он был прирожденный педагог, тактичный и внимательный. Правилом его работы было развить хорошие черты ребенка и сделать из него честного человека. И этому правилу он оставался верен совершенно независимо от того, был ли его воспитанник простым смертным или великим князем. Таким образом он завоевал любовь и доверие ребенка. Он не признавал никакой дрессировки, не подлаживался под отца, не докучал матери, он просто принадлежал семье: действительно драгоценный человек! Никто из тех, кто окружал нас, не мог с ним сравниться. Судьбе было угодно, чтобы он не дожил до совершеннолетия Саши. Он умер в Риме в 1834 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.